

**Проявление божественного и дьявольского начал
в человеке в творчестве Ф. М. Достоевского
(на основе книги «Бесы»)¹**

**The manifestation of the divine and devilish principles
in man in the works of F. M. Dostoevsky
(based on the book "the Possedesses")**

Ли Тяньюнь;

Независимый исследователь

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com;

Li Tianyun

Free researcher

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com;

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение»;

Санкт–Петербургский Государственный Университет;

e-mail: ward_93@mail.ru.

Kudrin S. K.

Post-graduate student of direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies»;

Saint Petersburg State University;

e-mail: ward_93@mail.ru.

Аннотация

В философском мировоззрении Достоевского антропология занимает центральное место. Вульгарное понимание антропологии русского писателя заключается в том, что якобы он относится к человечеству с крайним пессимизмом. Действительно, Достоевский продемонстрировал дьявольское начало в человеческой природе. Но это не вся его антропология. Русский мыслитель в своем творчестве также продемонстрировал и другое начало человечества – божественное. В данной статье мы рассмотрим в качестве примера роман Достоевского «Бесы». В нём даже такие серьезные антиподы, как Верховенский и Ставрогин, имеют образ Божий и его подобие. В «Бесах» становится заметным, что в

---

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

творчестве Достоевского каждый человек – это одновременно сочетание божественного и дьявольского начал.

Ключевые слова: русская философия, Ф.М. Достоевский, «Бесы», божественное начало, дьявольское начало.

Abstract

Anthropology is central to Dostoevsky's philosophical outlook. The vulgar understanding of the Russian writer's anthropology is that he allegedly treats humanity with extreme pessimism. Indeed, Dostoevsky demonstrated the diabolical origin of human nature. But this is not all of his anthropology. The Russian thinker in his work also demonstrated another beginning of humanity – the divine. In this article, we will consider Dostoevsky's novel *The Possessed* as an example. In this novel even such serious antipodes as Verkhovensky and Stavrogin have the image of God and his likeness. In *The Possessed*, it becomes apparent that in Dostoevsky's work, every person is simultaneously a combination of the divine and the devil.

Keywords: Russian philosophy, F.M. Dostoevsky, "The Possessed", divine beginning, devilish beginning.

В романе «Бесы» идея антропологии являлась центральным философским вопросом. Об этой антропологической мысли Достоевского разные философы высказывали различные мнения. Общее понимание заключалось в том, что Достоевский считал, что есть совершенные люди, такие, как Иисус Христос, которые имеют только божественное начало, и есть великие грешники, которые имеют только дьявольское начало, такие, как Сатана. Казалось, будто благородный человек всегда благороден, подлый человек всегда подл, а божественное начало и дьявольское начало в человеческой природе – два антагонистических принципа. Но внимательно изучив тексты писателя, можно увидеть, что в его миропонимании божественное и дьявольское начала в человеческой природе взаимно сочетаются, и часто герой совмещает в себе единство божественного и дьявольского начал. В этом и заключается диалектика антропологии Достоевского.

1. Проявление божественного и дьявольского начал

Степан Трофимович Верховенский представляет в романе первое поколение «бесов», именно в нем всецело воплощена диалектика антропологии. Степан Трофимович при каждом своем появлении предстает в образе нигилиста. В молодости им была написана поэма, в которой сполна выражены его нигилистические взгляды: «И, наконец, уже в самой последней сцене вдруг появляется Вавилонская башня, и какие-то атлеты ее наконец достраивают с песней новой надежды, и когда уже достраивают до самого верху, то обладатель, положим хоть Олимпа, убегает в комическом виде, и догадавшееся человечество, завладев его местом, тотчас же начинает новую жизнь с новым пониманием вещей...» [1, с. 10]. Очевидно, что под «обладателем Олимпа» здесь имелся в виду не Зевс, а христианский Бог. В молодости Степан Трофимович считал, что в будущем человечество сможет построить Вавилонскую башню, и, тем самым, сместить Бога. Здесь ярко отражена идея нигилизма героя. Но это далеко не вся философская идеология Степана Трофимовича, мысли которого зачастую очень трудно понять.

Вера Степана Трофимовича в христианского Бога крайне сложна. Его современники

считали его атеистом, но сам он этого не признавал. В своем романе Достоевский дал понимание того, что герой его романа верил в Бога. Мы считаем, что Степан Верховенский не был ни атеистом в строгом смысле, ни верующим в обычном смысле этого слова. Он не был ярким атеистом, так как не отрицал существования Бога. Истинно верующим он не являлся, потому что Бог, в которого он веровал, был воплощен не в форме церкви и не был православным Богом. Степан Трофимович имел собственное истолкование этого Бога: «Я в Бога верую, но надо различать, я верую как в существо, себя лишь во мне сознающее. <...> Что же касается христианства, то, при всем моем искреннем к нему уважении, я – не христианин. Я, скорее, древний язычник, как великий Гёте или как древний грек [1, с. 33]».

Степан Трофимович, оправдываясь, продолжал говорить, что не может принять православную веру, по причине того, что православие не смогло понять женщину. Он также не был согласен с любыми обрядами христианской веры. Истинной религией он считал религию древних греков, и только в ней он обрел духовную поддержку. Степан Верховенский, с человеческой точки зрения, отрицал христианское вероучение и больше склонялся к религии Древней Греции. С этой точки зрения он, кажется, до конца довел свои нигилистические принципы. Но данный факт не полностью раскрывает философское воззрение этого героя, ведь он также нисколько не отрицал христианского Бога и к тому же, в конце своей жизни, даже встал на его защиту.

Степан Трофимович произнес важную речь на празднике и был освистан, это выступление не только полностью разрушило его репутацию, но и его самого. В этой речи Степан Верховенский встал на сторону православной веры. Именно поэтому он явился единством божественного и дьявольского начал, и мог соответствовать диалектике антропологии в представлении Достоевского. Степан Трофимович в момент прощания с Варварой Петровной, отказался от ее добрых советов и уговоров, настаивая на том, что он произнесет свою последнюю речь по своей истинной вере, сказав: «А вот именно об этой царице цариц, об этом идеале человечества, Мадонне Сикстинской, которая не стоит, повашему, стакана или карандаша» [1, с. 265]. В философском мировоззрении Достоевского Сикстинская Мадонна отличается от образа Богородицы в православной иконографии, главным образом не своей религиозной ценностью, а эстетической. Сикстинская Мадонна – не просто главная фигура в Библии, а любая женщина, любая мать. Сикстинская Мадонна показывает не величие божества, а величие человечества. На самом деле Степан Верховенский упоминал в своей речи не саму Сикстинскую Мадонну, а только ее значение как красоты для человечества. Позже мы проведем более детальный анализ этой речи, но первое, что уже можно подтвердить из диалога Степана Трофимовича с Варварой Петровной, это то, что он не абсолютный нигилист.

Из-за своей репутации безбожника Верховенский был подвергнут домашнему обыску со стороны правительства. Стоит отметить, что в это время он зажег лампадку. Степан Трофимович оправдывался, он находился в страхе. Было ясно, что он все еще сохранял уважение к православной вере в своем сознании, показывая, что он есть единство божественного и дьявольского начал, а не простой нигилист. В «Бесах» находим: «Затем Настасья встала на стул и полезла зажигать в углу лампадку пред образом. Я с удивлением это заметил; да и лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдруг явилась [1, с. 329]». Степан Трофимович даже перекрестился на пороге. Это действие он совершил отнюдь не из-за боязни давления со стороны правительства, ведь все это происходило в его собственном доме. Это могло свидетельствовать только о том, что первой мыслью Степана Верховенского в момент кризиса его собственной жизни было прошение помощи у всемогущего

христианского Бога, а не надежда на собственные силы. Это отражало уважение к Иисусу Христу и единство божественного начала и дьявольского начала внутри него, он сказал: «Дорогой, – протянул он руку в угол к лампадке, – Дорогой, я никогда этому не верил, но... пусть, пусть! (Он перекрестился.) Идемте! [1, с. 334]». Выйдя на улицу, Степан Трофимович случайно наткнулся на толпу бунтующих рабочих с фабрики. По мнению Достоевского, рабочие демонстрации часто провоцировались нигилистическими интеллектуалами. Достоевский не соглашался с этими движениями, утверждая, что они были преднамеренными действиями нигилистов. Писатель нарочно устроил этот эпизод в сюжете, чтобы показать взгляды Степана Верховенского. Степан Трофимович смело выступил вперед рабочих и пошел останавливать их демонстрацию. Это свидетельствует об уважении Степана Трофимовича к христианству, к самому Иисусу Христу, о смешении в нем божественного и дьявольского начал. В «Бесах» написано: «И он, дрожа от негодования и с непомерным желанием вызова, перевел свой грозный обличительный перст на стоявшего в двух шагах и выпучившего на нас глаза Флибустьерова [1, с. 343]». Именно такие мелочи совершенно ясно показали, что Степан Трофимович не закоренелый нигилист. Он сохранил глубокое уважение к христианскому Богу и в конце своей жизни открыто выступил с оправдательной речью. Теперь мы сделаем более детальный анализ этого важного выступления.

2. Речь Степана Трофимовича о божественном начале

На предупреждение Варвары Петровны Степан Трофимович ответил, что речь, в основном, касается Сикстинской Мадонны, но нетрудно понять, что речь не несла в себе никакого изучения истории искусства этого произведения. Речь Степана Трофимовича была направлена не на изучение Сикстинской Мадонны как произведения искусства, а на раскрытие философского вопроса Сикстинской Мадонны, то есть вопроса великого значения красоты для судьбы человечества. На этот счёт он высказался так: «А я объявляю, что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть!» [1, с. 372].

Эта уже полностью созревшая мысль Достоевского была раскрыта в романе «Идиот». В нём русский писатель считает, что красота спасет мир. Героиня романа «Идиот» Настасья Филипповна представлена как красивая женщина, прекрасный художественный образ, ее пронизывающая любовь оказала сильное влияние на судьбу князя Мышкина. Ипполит говорил: «Князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен [2, с. 317]». Ипполит не понимал мыслей князя Мышкина и самого высказывания «красота мир спасет», но он ясно видел, что князь мыслил так именно по причине сильной любви.

В романе «Бесы» Степан Трофимович в своей речи в очередной раз вернулся к мысли, что наука как ядро современной цивилизации не принесет человечеству настоящего счастья, будущая судьба человечества зависит от культуры и искусства, спасение человечества зависит от красоты. Степан Верховенский упоминал современных англичан, немцев и русских, рассматривая их как бесспорных представителей современной цивилизации. Степан Трофимович любил свою родину, но был разочарован формой государства. Он считал, что современная цивилизация Европы развращена и единственная надежда лежит на Сикстинской Мадонне, то есть в великом спасении красотой судьбы человечества. Он сказал:

«Да знаете ли, знаете ли вы, что без англичанина еще можно прожить человечеству, без Германии можно, без русского человека слишком возможно, без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! [1, с. 373]».

Достоевский также продолжил эту мысль в романе «Подросток». В этом романе писатель считал, что судьба человечества зависит не от современных французов, немцев и русских, а от древних греков. По его мнению, будущее человечества лежит главным образом в развитии литературы и искусства, а не в прогрессе науки и техники. Современные французы, немцы и русские хоть и обладают передовой наукой и техникой, но в культурном и художественном плане они не сравнятся с древними греками. Профессор И.И. Евлампиев поясняет: «Ведь Древняя Греция – это универсальный, незаменимый исток европейской культуры; если бы Версилье отождествлял себя только в современными ему народами, во всем несовершенстве их исторического положения, он не мог бы претендовать на то, чтобы выражать европейскую идею во всей ее полноте [3, с. 17]». Этой идеей Достоевский наделил главного героя романа «Бесы». Его публичная речь отразила его личность и его позицию, он не относился ни к атеистам, ни к нигилистам, он был глубоким русским религиозным философом.

Уже в финале романа, Степан Трофимович встретил книгоношу Софью Матвеевну. Софья – набожная православная, продававшая Евангелие. Степан Трофимович сразу и сильно привязался к ней, и к книгам, которые она продавала, у него также родился большой интерес. Он сообщил ей, что не читал Евангелия лет тридцать, но был полон желания и давно надеялся на возможность перечитать книгу Нового Завета. Это первая его близость к Иисусу Христу после того, как он публично заявил о своей позиции, что очень ясно указывает нам на божественное начало в нем. Он сказал Софье, что с удовольствием прочтёт Новый Завет, ибо давно хотел его перечитать [цит. по: 1, с. 486]. Во время болезни Степан Верховенский попросил книгоношу Софью прочесть ему отрывок из Евангелия от Луки об изгнании Иисуса. После того, как Софья закончила чтение, Степан Трофимович изрек истинную, предсмертную исповедь. Он полагал себя таким же «бесом», как они были описаны в Евангелие, считал себя первым поколением «бесов». Уничтожение этих бесов было неизбежно, в результате их уничтожения тяжело больная Россия должна была исцелиться. Это еще раз наглядно показывает раскаяние Степана Трофимовича о своей жизни. Он познал дьявольское начало внутри себя и это причиняло ему боль, как раз таки этот факт и указывал на присущее ему. Наиболее плотно единство божественного и дьявольского начал раскрывается в герое именно перед самой смертью. Он сказал: «Это мы, мы и те, и Петруша... и другие вместе с ним, и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит» [1, с. 499]. Перед самой кончиной Степана Трофимовича, его лично навестила Варвара Петровна. В этот последний момент он с особенным упорством выражал свою веру. Он был набожным христианином, а вовсе не атеистом или нигилистом, как считало общество, окружавшее его. Понимание христианства Степаном Верховенским отличалось от понимания церковного, но он все же верил в Бога и вечную жизнь. Что касается набожности, то он обладал им не меньше любого невоцерковленного православного. Он сказал: «И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил его и обрадовался любви моей – возможно ли, чтоб он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть бог, то и я бессмертен! Вот мой символ веры [1, с. 505]». В понимании Степана Трофимовича Бог есть не верховный правитель, Бог есть любовь.

Именно в последний момент своей жизни он очень ясно показал свою веру в Бога и жизнь вечную. Это произошло не из-за страха смерти. Его философское миропонимание само по себе содержало эти два принципа. Религиозные убеждения Степана Трофимовича сложны, внутри него сосредоточены и бунтовая нигилистическая мысль, и набожная богочеловеческая мысль, и эти две диаметрально противоположные мысли часто смешивались и становились трудно распознаваемы по отдельности. Но в философском миропонимании Достоевского божественное и дьявольское начала не являются противостоящими друг другу понятиями, и один и тот же герой часто имел эти две диаметрально противоположных начала одновременно. Эта особенность второго поколения «бесов», то есть Николая Ставрогина и Петра Верховенского, но особенно четко она прослеживалась у Николая.

3. Различные манифестации божественного и дьявольского начал

Наше общее понимание Николая Ставрогина сходится с пониманием капитана Лебядкина, который называл его "премудрым змием". Мы считали, что Ставрогин – настоящий злодей, в его теле есть дьявольское начало, и совсем нет божественного начала. Липутин перефразировал его: «Он премудрый змий (это его слова)» [1, с. 83]. Капитан Лебядкин не ошибся, Ставрогина, конечно, можно назвать «премудрым змием», но если мы будем исходить из всего романа «Бесы», то увидим, что капитан Лебядкин отметил только часть правды. Ставрогин как человек на самом деле имел более сложную личность, он одновременно являлся и грешником, и благодетелем.

Есть две ситуации, где Ставрогин проявил свое великодушие к тем, кто оскорбил его. Первый раз, когда Шатов его ударил, а Николай не ответил ему. Согласно пониманию большинства людей, Ставрогин непременно должен был отомстить, но он не сделал этого. В конце концов, Шатова убил не Ставрогин, а Пётр Верховенский, и это вовсе не имело никакого отношения к тому, что Шатов ударил Ставрогина. В книге «Бесы» говорится: «Мне кажется, если бы был такой человек, который схватил бы, например, раскаленную докрасна железную полосу и зажал в руке, с целью измерить свою твердость, и затем, в продолжение десяти секунд, побеждал бы нестерпимую боль и кончил тем, что ее победил, то человек этот, кажется мне, вынес бы нечто похожее на то, что испытал теперь, в эти десять секунд, Николай Всеволодович [1, с. 166]».

Второй раз Николай Ставрогин проявил благородство на дуэли с Гагановым. Ставрогин, чтобы усмирить гнев Гаганова, дал ему возможность сразиться с собой, но не хотел убивать его на дуэли, лишь старался избежать пуль Гаганова. Эти две ситуации делают очевидным то, что Ставрогин вовсе не законченный злодей, он одновременно великий благодетель, и злодей. Он есть единство божественного и дьявольского начал, как и его учитель юности, Степан Трофимович.

У Ставрогина состоялся откровенный разговор со своим учеником Шатовым. Шатов чувствовал себя обманутым, ведь именно Ставрогин внушил ему веру в славянофильство, притом, что сам в Бога не веровал. Шатов спросил Ставрогина, атеист ли он, и Ставрогин тотчас же признал:

«– Вы атеист? Теперь атеист?»

– Да.

– А тогда??

– Точно так же, как и тогда» [1, с. 197].

С этой точки зрения, Ставрогин не должен являться ни благодетелем, ни даже злодеем. Мы думаем, что это одностороннее понимание героя. Ставрогин отвергал Бога в церковном православии, но надеялся, что сам заменит и осуществит великую историческую миссию по спасению мира, и эта идея, в итоге, была передана другому его более известному ученику – Кириллову.

Особого внимания заслуживает еще один момент в диалоге Шатова и Ставрогина. Шатов обвинил Ставрогина в сексуальной распущенности, а именно в соблазнении и надругательстве над девочками. Ставрогин уходил от прямого ответа, не зная, что ответить. В итоге Шатов, продолжив анализировать его психологию, сказал: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастной, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизни для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения? [1, с. 201]». Независимо от того, участвовал Ставрогин в развращении девочек или нет, без сомнения можно сказать, что он имел две диаметрально противоположные части личности, с одной стороны – распущенную и похотливую как ненасытное животное, с другой – стремящуюся посвятить себя всему человечеству. Говоря о Ставрогине, каждая из частей личности олицетворяла фактически одно и то же – стремление к красоте. По мнению Ставрогина, похоть – это стремление к красоте плоти других, а преданность всему человечеству подразумевает стремление к красоте собственной души. Таким образом, мы видим, что в Ставрогине сочетается единство божественного и дьявольского начал.

После дуэли Ставрогина с Гагановым у него состоялся разговор с Кирилловым, еще одним его учеником. Кириллов четко указал на две главные черты Ставрогина: во-первых, Ставрогин определенно не был сильной или высшей личностью; во-вторых, даже не будучи сильной личностью, Ставрогин чрезвычайно стремился стать сильным, стать высшей личностью и даже желал нести бремя всего мира, хотя это ему совсем не подходило. Вот диалог Кириллова со Ставрогиным на этот счёт:

«– Я думал, вы сами ищете бремени.

– Я ищу бремени?

«– Да.

– Вы... это видели?..

– Да.

– Это так заметно?

– Да [1, с. 227]».

Ставрогин обладал обширным мировоззрением и жадно стремился найти бремя, но он все же не выглядел сильным в понимании Кириллова или высшей личностью в миропонимании Достоевского. Ставрогин сам сказал об этом в разговоре с Кирилловым:

«– Я знаю, что я ничтожный, но я не лезу и в сильные...

– И не лезьте; вы не сильный человек. Приходите пить чай [1, с. 228]».

Сколько бы Ставрогин ни говорил, что не пытается быть сильным, на самом деле он находился в поиске бремени. Ставрогин не был сильной, высшей личностью, но все же стремился стать такой личностью и нести бремя мира, что отражает наличие у него факторов как божественного, так и дьявольского начал. Ставрогин не верил в христианского Бога, но желал иметь возможность нести бремя за него, то есть фактически заменить его. В этом

отношении он являлся и благодетелем, и злодеем. Благодетелем он был, потому что имел образ и подобие Иисуса Христа, он готов был нести бремя всего мира, а жажда заменить Бога говорила о дьявольском начале внутри него [4].

Пётр Верховенский неоднократно приглашал Ставрогина присоединиться к основанному им тайному обществу в качестве их лидера, но Ставрогин отказывался. Ставрогин не был социалистом, он не хотел иметь общего дела с Петром Верховенским, Ставрогин также не желал становиться руководителем такого тайного общества. Петр Верховенский неоднократно убеждал его, говоря: «Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол!» [1, с. 323].

Пётр Верховенский нашел в Ставрогине воплощение своего идеала. Хотя Пётр и был нигилистом, его оценка, которую он дал Ставрогину, была точна как никогда. Ставрогин действительно являлся идиолом в сознании людей, он был благодетелем, иначе он не смог бы стать идиолом, и злодеем, потому что не признавал Иисуса Христа и хотел заменить его. Таким образом, Ставрогин, как и его учитель, Степан Трофимович, был не просто злодеем и нигилистом, но благодетелем, русским религиозным философом. Эти важные качества Ставрогина были переданы двум его не менее важным ученикам, Шатову и Кириллову. Они раскрыли идеи Ставрогина с разных сторон. Они, в свою очередь, олицетворяли третье поколение «бесов» (Ставрогин и Верховенский были вторым поколением «бесов») [5].

Таким образом, рассмотрев подробно различных персонажей романов «Бесы» и кратко героев романов «Идиот» и «Подросток», можно резюмировать, что все они имели в себе как божественное, так и дьявольское начала только в разных формах — на этом была построена вся антропология Фёдора Михайловича Достоевского — великого русского религиозного мыслителя.

Литература

- 1 . Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. 516 с.
- 2 . Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 8. Л., 1973. 512 с.
- 3 . Евлампиев И.И. Русская идея и идея Европы // Вече. 2017. Выпуск 29. С. 8–19.
- 4 . Евлампиев И.И. «Высшие» и «низшие» типы Достоевского (об одной важной теме «Дневника писателя») // Достоевский и мировая культура. Альманах № 30 (2). СПб., 2013. – С. 283–306.
- 5 . Евлампиев И.И. Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // Вопросы философии. 1998. № 3. – С. 18–34.